

ПОЗДНЕРИМСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ГОРОДА И ИМПЕРИИ

IV–V вв. н.э. являлись временем очевидного и быстрого упадка и римской имперской государственности (прежде всего на Западе), и в целом античной цивилизации. Тем не менее, поздний Рим, рухнувший под ударами варварских нашествий в V в., оставил огромное идейное наследие. Полисные и республиканские идеалы и ценности оказались забыты, однако сохранялась и развивалась новая доктрина, пережившая падение самого Римского государства, – "идея Рима", или концепция универсальной внеисторической Империи как единственно правильной и возможной формы организации политической жизни цивилизованных людей. Данная идея базировалась на сформировавшемся к III в. н.э. "римском мифе" – представлении о Риме как о естественном центре ойкумены, Вечном Городе (*Urbs Aeterna*), объединившем все цивилизованное человечество, ставшем для всех народов единой отчизной.

Анализ позднеантичных концепций, выражавших различные интерпретации "римской идеи", позволяет выделить в них несколько фундаментальных компонентов.

Вечность Города – Рима, который мыслился как единый и всемогущий центр вселенской Империи. Понятие столицы ни для древневосточных, ни для эллинистических государств не было чем-то устоявшимся и не имело сакрального смысла. Лишь применительно к Риму можно говорить о формировании понятия столицы как с незапамятных времен возникшего города, естественного центра политической и культурной жизни, олицетворения мощи и вечности государства и цивилизации в целом. Как столица Рим противостоит всем столицам прежних царств, которые были лишь временными по сравнению с Вечным Городом, находящимся, таким образом, вне исторического времени. Идея вечности стала одним из краеугольных камней концепции Рима как универсальной столицы [2, с. 81; 6, с. 41–42, 49].

Сам город Рим возвышается до высочайшего идеологического уровня и обожествляется, что нашло отражение в культе богини Ромы. Именно к ней возносил свои мольбы языческий поэт V в., галл по происхождению, Рутилий Намациан, сложивший настоящий гимн божественному Риму [Возвращение на родину, I, 45–54].

Рим как общее отечество для всех народов. Рим мыслился как наднациональный институт, провозглашавший унификацию народов в рамках общего единства, как некая суперструктура над культурно-идеологическими и политическими структурами отдельных государств и народов [7, с. 127]. Упомянутый Намациан торжественно восклицал: "...Рим и для них [покоренных народов. – А.Б.] сделался домом родным! / Курия римлян святая открыта и славе неримлян, / И не чужие ему, кто по заслугам свои" [I, 12–14].

Империя как воплощенная вечность и бесконечность. В позднеимперскую эпоху Рим в глазах людей стал Вселенной. В контексте Римского государства употребляются термины *orbis*, *kosmos*, *oikoumene* [5, с. 15]. Рим – город, полис (а идеальному полису, по суждению Аристотеля, полагалось непременно быть обозримым с вершины его акрополя) – мыслится равновеликим миру. Не случайно Рутилий Намациан нашел особый символизм и историческую закономерность в созвучии латинских слов *urbs* (город) и *orbis* (мир): "То, что было – весь мир, Городом стало одним" [I, 66]. Таким образом, последней античной формой "обозримости" полиса становится абстрактная "обозримость" империи, ресурсы которой исчислены фиском: Рим как мир [1, с. 308–309].

Все провинции чувствовали себя членами единого целого – империи [3, с. 61, 329]. Автор V в. Сократ Схоластик [Церковная история, II, 37] писал, что участники Ариминского собора 359 г. указывали императору Констанцию II на то, что его царство простирается до пределов Вселенной.

Формируется своеобразная идеологическая формула: вселенная – это Империя, а Империя – это Вселенная. Если первая часть формулы выражает представление о централизованной иерархической структуре мира (Юпитер –

Геркулес, Аполлон, Христос — на небе, император на земле), то вторая — универсализм, всемирный охват государства: Вселенная всеобъемлющая, и Рим всеобъемлющий, за его пределами ничего не может существовать; империя имеет право владеть всей Вселенной целиком, без изъятий [13, с. 62, 67].

Универсальная христианская империя. С упадком язычества и утверждением новой религии в эпоху Поздней империи произошло переосмысление имперской идеи: она теснейшим образом соотносится с христианством.

Еще Тертуллиан (ок. 165 — ок. 240 гг.) в разгар гонений признавал, что империя по-своему нужна, ибо ставит злу определенные пределы. В дальнейшем появилось убеждение в провиденциальном назначении империи: она была создана почти в самый канун рождения Христа, чтобы "вместить" христианство; не случайно теми самыми дорогами, что были проложены для римских легионов, прошли апостолы [4].

Автор IV в. Пруденций верит в провиденциальную миссию Рима, но тесно увязывает миродержавство Рима и будущее самой империи с идеей распространения христианской религии, с необходимостью небесного заступничества Христа. У Сократа Схоластика находим эту же оптимистическую идею постоянного роста и усиления христианской империи под контролем и с помощью Бога [8, с. 14, 21–22].

Связь идеи империи и христианства ярче всего выражена в творчестве Евсевия Кесарийского (ок. 263–340 гг.). Он писал: "в одно и то же время по небесному изволению появилось два роста, которые поднялись над землей и покрыли своей тенью весь мир, — это Рим и христианская вера, предназначенные соединить в своих недрах весь род человеческий в вечном единении... все люди соединятся в одну семью под общим скипетром" [цит. по: 12, с. 11]. Евсевий Кесарийский помещает Imperium Romanum на место некоего библейского универсального мира народов, Царства Божия. Это царство соединило империю и христианскую церковь в новую универсальную организацию — империю-церковь [7, с. 128].

В поздней империи Единый Бог стал средством скрепления единства: земная власть императора — вице-Христа — была объявлена отображенным небесным отечеством для всех подданных. Государственное христианство с IV в. приняло форму не столько религии, сколько унитарной космополитичной идеологии "священной" вселенской империи [10, с. 98, 390]. На политический монизм и универсализм накладывается христианский экуменизм, сопряженный с идеей единого религиозного центра: на Pax Romana накладывается Pax Christiana. В итоге вырабатывается политико-конфессиональный монистический принцип, согласно которому все народы образуют одну обширную семью в рамках единой христианской (по-прежнему Римской) империи под скипетром Христа, представителем которого на земле провозглашался единый (по-прежнему римский) император, обитающий в столице мира [7, с. 126].

Translatio imperii. После гибели Западной Римской империи Рим из реальной космополитической столицы средиземноморского мира превращается в идеологическую абстракцию, символ великой государственности, наследство которого желанно для будущих поколений. Как следствие, развилась концепция абстрактного Рима, которая зажила своей особой жизнью, отделившись от исторического Рима, и была перенесена в наиболее характерных свойствах на столицы других великих держав, в частности, на столицу Византии Константинополь и столицу Российского царства Москву.

Так родилась теория "переноса империи" (translatio imperii) — переноса на другой город (страну) всемирно-исторического достоинства императорского Рима. Позднеримские и раннесредневековые авторы утверждали, что всегда существовала и должна существовать в мире некая универсалия исторической и политической жизни, которая называется Империей. Рим как Империя мыслился функцией, лишенной пространственно-временной характеристики; носителями ее могут быть различные государственные образования [5, с. 6, 25]. Идеи постоянства и вечности Римской империи стали основой для теории translatio imperii к Второму и Третьему Риму.

Все европейские империи за минувшие полторы тысяч лет так или иначе "продолжали дело" Римской империи.

Менее других готовы были смириться с ее гибелью те самые варвары, которые ее погубили. Они тотчас же принялись "играть в Рим", восстанавливая в меру своих сил внешние признаки низверженного величия [4].

В IV–VI вв. сформировались различные парадигмы Империи: западная провозглашала верховенство римского папы, в то время как империй может быть несколько, но все империи должны были подчиняться римскому (папскому) престолу (здесь, по выражению Н. Лисового, "идея Империи была переплавлена в идею папства, идею римского престола"); восточная, идущая от Евсевия Кесарийского, допускала существование различных конфессий, но только в рамках единой Империи [12, с. 11].

Константинополь не случайно стал "Вторым Римом". Как отмечает С. Аверинцев, "в пределах Средиземноморья есть только одно место, где Европа и Азия зримо подступают друг к другу: это область Босфора, Мраморного моря и Дарданелл. Там, у стен легендарной Трои, локализовано мифическое начало эллинской истории; отсюда же, как считали римляне, отправился к берегам Италии их родоначальник Эней. Там Ксеркс, царь Востока, перешел в Европу, и Александр, царь Запада, перешел в Азию. Место начала и предела — и место конца: туда, как в свой изначальный дом, вернулась на своем исходе история античного мира. Символика политической географии — еще одно свидетельство тому, что Константинополь был вполне логичным итогом пути, ведущего через Афины и Рим" [1, с. 310].

В средние века римская имперская традиция и сама идея Рима были восприняты как на западе, так и на востоке бывшего римского мира, однако в своем пространственно-временном перемещении (Византия, империя Каролингов, Священная Римская империя, Сербия Стефана Душана и, наконец, Московское царство) они теряли свои генетические связи, трансформировались, входили в состав новых идеологических структур. Например, если в Византии и России разрабатывалась и реализовывалась концепция Рима как столицы великой державы, в западной Европе была воспринята идея Римской империи как государственного образования в целом, в то время как роль города Рима как столицы отходила на второй план.

Литература

1. Аверинцев, С. Символика раннего средневековья / С. Аверинцев // Семиотика и художественное творчество: сб. ст. / под ред. Ю.Я. Барабаша. — М.: Наука, 1977. — С. 308–337.
2. Брециц П. Рим — Константинополь: континуитет или инновация? // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. — М.: ИРИ, 1997. — С. 81–92.
3. Зелинский, Ф. Ф. Римская империя / Ф. Ф. Зелинский. — СПб.: Алетейя, 1999. — 486 с.
4. Каграманов, Ю. Империя и ойкумена / Ю. Каграманов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/povyi_mii/1995/1/kagram.html. — Дата доступа: 15.10.2010.
5. Каталан, П. "От Рима к Третьему Риму": итоги и перспективы изучения проблемы // Рим, Константинополь, Москва. — С. 6–11.
6. Кузищин, В. И. К вопросу о формировании концепции Первого Рима. От латинского городка к средиземноморской столице // Рим, Константинополь, Москва. — С. 41–53.
7. Медведев, И. П. Роль Византии в средневековом христианском мире вообще и христианизации Руси в частности // Рим, Константинополь, Москва. — С. 124–134.
8. Мязина, О. Б. Представления об императорской власти и исторических судьбах Рима в контексте полемике христианства и язычества на рубеже IV–V вв. (по материалам творчества Пруденция): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 2002. — 26 с.
9. Намацян, Клавдий Рутилий. Возвращение на родину // Поздняя латинская поэзия. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 283–304.
10. Полосин, В. С. Миф. Религия. Государство / В. Полосин. — М.: Ладомир, 1999. — 440 с.
11. Сократ Схоластик. Церковная история. — М.: РОССПЭН, 1996. — 368 с.
12. Три Рима / сост.: Н. Н. Лисовой, Т. А. Соколова. — М.: ОЛМА-пресс, 2001. — 463 с.
13. Шаббага, И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия / И. Ю. Шаббага. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — 141 с.